

Роза Хазиева

Берёзовый отец Саиды

16+

Роза Кадимовна Хазиева

Берёзовый отец Саиды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39488693

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта повесть о необычной дружбе свекора и снохи. События происходят в татарской деревне. Лето 1949 года. Старик Шенгерей решил женить сына, потому что больше не может ухаживать за своей больной женой. Сын согласен, у него есть невеста. Мать девушки не согласилась выдать дочь, да ещё и оскорбила старика. Шенгерей нашёл другую девушку, красавицу из соседней деревни Саиду и уговорил сына жениться на ней. Почитали никах, и... молодые стали понимать, что совершили серьёзную ошибку: он – женившись в отместку, она – выходя за человека, о котором ничего на самом деле не знает... Есть вторая тема в повести. Двоежёнство. Каково оно?

Берёзовый отец Саиды

Автор Роза Хазиева

В татарском языке свёкор – это каената, двусложное слово, в переводе на русский – берёзовый отец...

Автор

1ая часть

В один знойный день...

Саида

Очень уж жаркий день выдался сегодня. Солнце прямо обжигает. Саида сняла с головы платок, намочила его в ведре с водой, выжав, снова надела, завязав сзади. Потом понесла свою косу деду Махияну – точить. Дед сидит на краю поля, скрестив ноги под собой. Он не косит, он только косы точит. И на том спасибо. Деду Махияну за восемьдесят. Его тело высохло – одни кости, и те усохли и уменьшились в размере. Он маленький, как ребенок. Просто удивительно, как он может работать в такую жару целыми днями? Ведь ему часто и воды попить некогда. Хорошо, что есть такой старик – дед Махиян! Потому что женщины косить-то умеют, а вот поточить косу – это для них сложно. Тут сноровка нужна. Да и опасно это. Можно запросто пальцы или руку порезать, если нет опыта. Некоторые женщины всё равно пытаются, конечно. Якобы точат. Но через некоторое время, когда коса

становится совсем ни на что не годная, бегут к деду Махияну. Но дед на них не сердится. Не говорит: «Сама испортила косу, сама и исправляй, как хочешь!» Очень жалеет дед Махиян этих женщин и девушек. Бедняжки! Разве бабье это дело – сено косить? Мужчины должны косить эти поля и луга! А мужчин нет! Они все погибли на войне! Эх, односельчане, односельчане! Совсем зря пропали! Когда дед Махиян вспоминает о мужчинах и парнях, не вернувшихся с войны, у него из глаз невольно льются слёзы. Какие прекрасные мужчины и юноши ушли на фронт и сгинули. Уже четыре года, как война закончилась, а мучения продолжаются. Сколько же лет ещё надо, чтобы стёрлись следы этой войны? Вон как много в деревне красавиц, им уже давно пора быть замужем, иметь полный дом детишек, а парней нет! А о бедных вдовах и говорить нечего! Дед Махиян не устаёт ими восхищаться. Вон с каким размахом, не жалея себя, широко косят! Не жалуются. Какую мощь дал Аллах этим своим прекрасным созданиям! Деду Махияну легче, чем им. Он хоть дома может отдохнуть, как следует. Потому что жена-старуха его чуть ли не на руках носит. Бережёт. Очень рада тому, что её старик жив, да ещё и в совхозе работает – хоть немного, но зарабатывает. А пришедшим с покоса женщинам надо накормить голодных детишек, поухаживать за немощными и лежачими стариками, подоить корову, искать не вернувшуюся домой скотину. Да мало разве у женщин дел по хозяйству! А потом, уставшие до невозможности, валяются в холодную постель без

мужа... И-и, жизнь, жизнь!

В таких мыслях утопает дед Махиян в свободные от работы мгновенья. Изо всех сил старается старик помочь женщинам. Но какая от него им помощь? Точит он их косы очень старательно. Если ручка от косы разболтается, вбивает клин. Вот и вся его помощь. Иногда тёплые слова говорит, чтоб поднять им настроение. Вот и сейчас дед сразу заметил, что Саида выдохлась:

– Посиди-ка чуть-чуть, Саида, доченька! Очень уж ты покраснелась! Смотри, как бы солнечный удар не получила!

– Неудобно, дедушка Махиян! Как это я буду сидеть, когда все остальные женщины работают! – ответила Саида.

– И-и, доченька, доченька! Кто тебе слово скажет? Хоть и талия тонюсенькая, ты же сильная, как мужчина! Тут редко кто косит так, как ты! – сказал дед, не сумев скрыть своё восхищение.

Саида ничего не ответила, взяла косу и пошла на межу, чтобы начать новую полосу. Да-а, восхищающихся много, не один дед Махиян. Весной девушке исполнился двадцать один год. Если б тогда не началась эта проклятая война, она б уже давно растила ребятишек. А она даже не замужем! Правда, есть желающие на ней жениться. Например, вернувшиеся с войны холостые мужчины. До сих пор так и не женятся, всё никак не могут успокоиться, остепениться, всё гуляют, празднуют победу. Заглядываются они на неё. Но Саида за такого не хочет выходить. К тому же многие из них

на войне научились водку пить. До войны в деревне Кызылтау даже не знали, что такое водка. Некоторые люди делали, правда, бражку из меда. Да, это было, но чтобы водку пить – этого не было! А теперь народ познал, что это такое! Абау, каким некрасивым и противным бывает пьяный человек! Саида пьяных людей видела только на улице. Её отец Фазылджан харам даже в рот не берет. Как же! Он пять раз в день на намаз встаёт, вечерами Коран читает. Грамотный папа у Саиды. И настоящий мусульманин. Такие люди, конечно, водку пить не будут. Вообще, мусульмане не должны пить водку, но из-за этой войны народ испортился. Теперь вернувшиеся с войны мужчины выпивают водку, хоть и считают себя мусульманами. Какой грех! Аллах, не дай попасться в жёны такому человеку! Кому же достанется всё-таки Саида? Неужели у неё не будет семьи и детей? А ведь к ней давно стали свататься, когда она ещё совсем молоденькая была. Отец не соглашался, не отдавал её. «Не могу дочку за вас отдать, мне помощница нужна!» – говорил сватам и прогонял их прочь. Отцу всегда в работе нужен помощник. Тут подержать, тут подсобить, вместе тяжелое поднимать. Когда четверых взрослых сыновей одного за другим забрали на войну, старику Фазылджану пришлось взять в помощники тринадцатилетнюю Саиду. Вот тогда он начал возить Саиду везде с собой на телеге и обучать мужской работе. Что поделаешь? Война. Сыновья на войне, а старику – хоть небольшая, да помощь.

Какие же красивые, хорошие братья были у Саиды! Высокие, здоровые, работающие, правильные. Саида никогда не слышала, чтобы они грубо разговаривали или дрались. Шутить любили. Женат был только самый старший. Он работал учителем в школе. У него уже дочка успела родиться до войны. Остальные три брата Саиды даже жениться не успели – ушли на фронт. И только один вернулся обратно. Самый старший. Хромой, с больными лёгкими, со страшными хрипами в груди. Умер через полгода в страшных мучениях. А трёх братьев-красавцев проглотила эта аждаха – война. Поэтому Саида теперь единственная помощница отца. Она умеет выполнять всю мужскую работу: запрягать лошадь, валить деревья в лесу и заготавливать дрова, косить сено, пахать землю плугом на лошади. Всё не перечислить. Сама Саида очень сильная, может поднять мешок с зерном и забросить на телегу, не морщась. И лошадей она не боится. А другие женщины боятся их. Вот они и удивляются: «Что это за чудеса такие? Почему тебя лошади слушаются?» Саида смеётся про себя. Ещё бы её лошади не слушались! Она же выросла на телеге отцовской лошади!

Хорошо, что мама после четырех сыновей смогла родить Саиду и Муниру! Могла и не родить – здоровье у неё слабое. А так – хорошо получилось. Отцу помощница – Саида, матери по дому помогает Мунира. Младшая сестра у Саиды не то, чтоб лошадь запрягать, даже близко к ней подойти боится. Она и сено не косит, и дрова не умеет колоть, пото-

му что всё время с мамой домашними делами занимается. Даже ягоды Мунира собирает намного медленнее, чем Саида. Правду сказать, Саида не только Муниры шустрее. Если ягодное место, Саида за три часа может целое ведро земляники собрать! В этом нет ей равных в деревне. А Муниру родители избаловали. Отец к ней иначе как «мой поскребышек», и не обращается. Наверное поэтому она и не выросла толком: Мунира ростом маленькая. Вся какая-то кругленькая и ладненькая, с большими черными глазами. Длинные, черные, тяжелые косы на спине. Очень красивая. А Саида совсем другая. Из-за того, может быть, что всё время выполняла мужскую работу, она выросла высокая, тоненькая. У неё и ноги, и руки, и даже пальцы длинные. Только косы у Саиды тоже длинные, толстые. А так – ни за что не подумаешь, что эти две девушки одних и тех же родителей. И характеры у них совсем разные. Саида очень молчаливая, терпеливая, ловкая в работе: всё у неё в руках горит. Мунира же всё делает медленно, если ей что-то не нравится, тут же обижается, плачет. И поболтать Мунира очень любит. Наверное, все выросшие в излишней ласке дети вырастают такими. Ай Аллах, дай ей счастья! Мунире только шестнадцать лет исполняется. Ей и жениха найти будет проще: ведь её ровесники тоже вместе с ней подрастают. А вот что с Саидой-то будет? В деревне у Саиды тоже есть ровесники, но они уже и не смотрят на неё, а смотрят на таких, как Мунира, молоденьких. Саида уже считается старой девой. Она, видите ли,

теперь годится только вон для тех старых парней-гуляк, кто с войны пришёл. От таких мыслей у Саиды слёзы наворачиваются на глаза. Но нельзя распускать себя. Вон, сзади целый десяток женщин шумят косами: «вжик-вжик! вжик-вжик!». Вот-вот догонят. Замедлишь – всех задержишь. А это нехорошо! «Ладно, что Аллах захочет, то и будет! Тот, кто предназначен мне, никуда не денется, а мне достанется!» – успокаивала себя в мыслях Саида, продолжая косить.

И никак не почувствовала девушка, что в березняке рядом с полем давно уже за ней следят два глаза. Эти самые глаза в эти самые минуты решали её судьбу.

Шенгерей

Когда оказался, наконец, в тени деревьев, Шенгерей немного успокоился. В прохладе телу стало легче. К тому же, девушка оказалась хороша на удивление. Говорили, конечно, что красива, но он и не думал, что настолько. Шенгерей сразу её заметил среди женщин. Что-то подсказывало: это – она. Когда старик Махиян заговорил с ней и назвал её имя, сердце Шенгерей ах подпрыгнуло! Да, такая сноха его очень даже устроит! Субханалла, как размашисто и умело косит! Сразу видно: сильная, выносливая, работающая. Вот такую сноху ему и надо! И имя у неё красивое: Саида. Шенгерей долго не мог оторвать взгляда от девушки. Да, нет сомнения, эта девушка будет ему хорошей снохой. С этой де-

вушкой он сможет найти общий язык! И-и, Аллах, ты послал сюда эту красавицу нарочно для того, чтобы Шенгерей провёл свои последние годы жизни в спокойствии и блаженстве? Вот ведь как получается! То, что Камиля отказалась выдать свою дочь – это к счастью Шенгерей!

Сегодня Шенгерей ходил просить в жёны своему сыну Кариму дочь Камили с нижней улицы. Кариму девятнадцать лет, скоро будет двадцать. Молод ещё для женитьбы, конечно, но у Шенгерей нет другого выхода. Его первая жена болеет и уже второй год лежит в постели. А вторая его жена Латифа, помоложе, никак не соглашается ухаживать за старшей. Дома невыносимая обстановка – одни ссоры да скандалы. Очень устал от этого Шенгерей. Старику самому приходится готовить еду и кормить старшую жену Бибинур, менять под ней испачканное бельё, купать её в бане. Позор! Где это видано, чтобы мужчина такими делами занимался? А Шенгерей ведь уже и сам не молод! Очень скоро ему будет восемьдесят! За ним самим нужен уход! А его молодая жена, ай-яй, какая дерзкая! Хотя, если б она не была такой, разве потерял бы голову приближающийся к шестидесяти годам Шенгерей, разве привёл бы домой второй женой тридцатипятилетнюю женщину? Очень уж крепко тогда влюбился Шенгерей. Она была хороша, но и он был не из последних в деревне. Не зря же у него и кличка в деревне «Жеребец Шенгерей». Любят в деревне всем клички давать. Ну и удобно это. А то одни и те же имена, поди пойми, о ком идёт

речь. А тут сразу понятно. Только у других клички «Чути» да «Шульти», а у него – «Жеребец». Очень здоровый да горячий был молодой, вот и прозвали так. Даже в шестьдесят лет смелый, дерзкий, решительный был. Не посмотрел на то, что Советская власть не разрешает жить с двумя жёнами. Многоженство запрещалось законом. Не посмотрел на то, что его пятеро взрослых детей восстали против. Хотя, старшие сыновья не очень сильно сопротивлялись. У них свои семьи. Может, было некогда, но совать свой нос в отцовские дела особенно не стали. А вот тем, кто ещё не отделился и жил в родительском доме – сыну Хамиту и дочери Фатиме, было очень жаль свою мать. Много же было тогда шуму! Фатима в то время тяжело болела, лежала в постели, ожидая смерти. Даже это не остановило Шенгеря. Фатима вскорости умерла. Хамит уехал в город. Когда началась война, ушёл на войну и не вернулся. А Шенгерей остался с двумя жёнами. Латифа одного за другим родила ему двух детей. Одного мальчика – Карима. Одну девочку – Гульсум. У Латифы и дети, как и она сама, выросли дерзкие, своенравные. Дочь Гульсум, когда ей ещё не было и восемнадцати лет, сбежала из дома с пожилым военным, который случайно приехал в их деревню. Сейчас даже весточку не пришлёт. Никто не знает, где она живёт. А сын Карим не помогает отцу ухаживать за его первой женой, смеётся: «Твоя жена, ты и ухаживай!» Ухаживал уж Шенгерей, нельзя сказать, что не ухаживал. Устал. Больше нет сил. Долго думал, как быть, что делать. И придумал.

Надо Карима женить! Кариму что – он согласен! У него есть девушка, с которой он уже пять лет встречается! Она, его любимая девушка – Зульфия, дочь вдовы Камили с нижней улицы. Зульфия наверняка с радостью готова выскочить за Карима – Карим красив – на свою мать похож. Даже среди артистов кино таких красавцев мало, Шенгерей много раз в деревенский клуб ходил кино смотреть и знает!

Хоть и молодой ещё совсем, занятие у сына есть – трактором работает. Технику любит, голова его в технике хорошо соображает. И руки у него умелые. За что ни возьмётся – всё получается – это уже у него со стороны отца, Шенгеря. В армию Карима не заберут – он в детстве сыпным тифом переболел. Так какая девушка откажется выйти замуж за такого парня, как его сын Карим?

С такими мыслями старик Шенгерей бодро шагал к дому вдовы Камили на нижнюю улицу. Настроение было хорошее, приподнятое, надежды большие. Правда, нельзя назвать дочь Камили очень трудолюбивой и работающей, да и красавицей не назовёшь. На добросердечную тоже не очень похожа. Думал уже об этом Шенгерей много раз. И с женой Латифой об этом говорили. «Ладно, будь что будет, – решили. – Раз наш сын сделал такой выбор, мы как-нибудь уж потерпим, приспособимся».

Когда Шенгерей, нарочно громко пошаркав ногами, чтоб слышали внутри, вошёл в дом, Камиля была одна, за печкой месила тесто. Старик чинно поздоровался, снял обувь,

прошёл в передний угол, сел за стол. Не торопясь стал читать молитву. Камиля вышла из-за чаршау, сложила испачканные мукой и тестом руки перед грудью на переднике и тихо встала возле печки. Прочитав молитву, старик провёл руками по лицу, по жидкой бородке, сложил большие руки на столе, и, глядя на них, начал речь:

– Камиля сенелем, у меня к тебе разговор есть. Мы с Латифой сильно постарели, не можем больше одни жить. Нам невестка нужна. Наши дети давно друг друга любят. Давай их поженим.

Когда всё это высказал, старик поднял взгляд и торжественно посмотрел в лицо женщины. Ай Аллах, лучше бы он не посмотрел! Лучше бы он никогда такого лица не видал! У Камили глаза выпучились, рот искривился. Трясётся вся, полная ненависти. Тоненьким противным голосом завизжала на весь дом:

– А у меня для такого двоежёнца, как ты, даже кошка ещё не окотилась!

Шенгерей сначала растерялся. Это ещё что за разговоры? Неужели Камилю так сильно злило то, что у Шенгерей две жены? Ай Аллах, он и не подозревал об этом. Правда, многим не нравится, что Шенгерей живёт с двумя жёнами. Особенно раньше не нравилось. Он это всегда знал. Чувствовал, что многих бесит, когда Шенгерей, посадив двух разряженных нарумяненных жёнушек с двух сторон на тарантас, отправляется в гости. Но ведь это было так давно! Шенгерей

уже забыл о тех временах! Теперь он старик, и дома сидят у него две старухи. Теперь он не двоеженец, а старик с двумя старухами! Вот как всё обернулось! Вот как, оказывается!

Потом старик медленно встал. Почувствовал, что его заполняет ярость. Глаза, голова и, вообще, всё тело наливались чем-то тяжелым и вязким. Скулы стянуло, кулаки сжались, сердце стучало громко и дробно.

– А-а, так, оказывается! Даже кошка не окотилась, говоришь? Ну ты жди тогда, когда она окотится! А мой сын и без твоей дочери проживёт – без жены не останется! – прорычал Шенгерей, не глядя на Камилю. С трудом обулся и вышел из дома, хлопнув дверьми так, что старенькая изба содрогнулась.

Первый раз в жизни за восемьдесят лет Шенгерей так унизили и оскорбили. И кто? Одна бедная жалкая вдова!

Старик не захотел вернуться домой, а пошёл к своему другу Галиахмету. Они с Галиахметом ровесники, всю жизнь живут вместе, помогая друг другу и выручая, если нужно. И в этот раз Галиахмет смог помочь Шенгерейю советом. Узнав от Шенгерейя, что произошло, он вспомнил, что в соседней деревне Кызылтау есть подходящая для Карима невеста – девушка по имени Саида. Дочь старика Фазылджана по кличке Поляк.

Поразмыслив, старики приняли решение. В эту пору наверняка девушка на поле косит. В сенокосную пору в деревне остаются только дети и старики, остальные на покосе. Шен-

гереею надо съездить в Кызылтау, туда, где косят женщины, и посмотреть на девушку.

Шенгерей чуть ли не бегом вернулся домой, заглянул в дом, чтобы попить воды, запряг колхозную лошадь, которую ему разрешали держать у себя, поехал за двенадцать километров в соседнюю деревню – посмотреть на девушку.

Карим

В такой жаркий день приятно работать в лесу. Солнечные лучи не жгут, лес хорош и свеж, листья на деревьях шелестят на тихом ветерочке. Правда, Карим не слышит их шелест, только догадывается, потому что рёв трактора перекрывает все остальные звуки. Наверняка и птицы поют, и насекомые жужжат вокруг. Но Карим все эти звуки не слышит – он вынужден слушать целыми днями рёв своего трактора. У него такая работа. Тяжелая работа, нечего и сказать. Но есть и положительные стороны. Когда управляешь такой мощной техникой, чувствуешь себя сильным, могучим. Вон какие толстые бревна его трактор играючи вытаскивает на дорогу. Хорошие брёвна! В деревне собираются новый клуб строить. Давно пора! Нужен в деревне Ишкуак новый большой клуб. А то этот и старый, и маленький. Если вся деревенская молодёжь собирается, все даже не поместятся в этом клубе. Поэтому парни почти никогда внутрь не заходят. Вечером, конечно же, к клубу приходят, стоят возле в темно-

те, разговаривают, девушек своих дожидаются. Принаряженные девушки собираются в клубе. Тихо переговариваются, ждут гармониста. И вот приходит кто-либо из ребят, умеющих хорошо играть на гармонии. Тогда девушки час или два танцуют, поют, играют в разные игры. Иногда играть заходят и некоторые ребята. Но Карим никогда не заходит играть. И не танцует. Стесняется. Ещё он считает, что это несерьёзно, не по-мужски. Даже заходит он внутрь очень редко, только в тех случаях, если пришел к клубу поздно вато и не знает, Зульфия там внутри или нет её. В таких случаях, чтобы не прождать зря, он находит какую-либо причину и заходит внутрь. Самое забавное то, что стоит открыть дверь клуба, если Зульфия там, сразу же встречается с ней глазами. Такое впечатление, что Зульфия сидит в клубе одна-одиошенька и ждёт его, уставившись в дверь. И как получается, что Карим сразу находит именно её глаза среди сотен глаз? Интересно, почему так? Как так получается? Как только вспомнил о Зульфийи, почувствовал, что разволновался. Давно он любит Зульфийю. Они учились в одном классе. А вот когда он по-настоящему в неё влюбился, Карим не помнит. Хотя, кажется, он заметил её в седьмом классе. Сначала в неё влюбился не он, а его самый близкий друг Ахнаф. Однажды в разговоре он случайно проболтался Кариму, что ему нравится Зульфия. Тогда и Карим обратил на неё внимание. Красивая, оказывается! Все остальные девчонки в классе худые, даже тощие, груди плоские. А эта не худая, тело у неё, как у

взрослой девушки. И волосы у неё как-то по-особому красиво заплетены. Сидела она за партой перед Каримом. Смотрел-смотрел Карим на неё, наблюдал-наблюдал за ней, и для него, в итоге, во всем мире только она одна и осталась. Попался парень. Ахнаф тут же заметил это, конечно. Пришёл к Кариму с разговором. «Я тебя считаю своим лучшим другом, поэтому рассказал тебе о своей любви. А ты, я смотрю, хочешь увести мою любимую девушку?» – начал он. «Давай сделаем так, Ахнаф. Найдем какое-нибудь подходящее место и время и спросим у самой Зульфийи. Кого она сама выберет, с тем и останется», – предложил Карим. Не знал, конечно, кого она выберет, но чувствовал, что выберет его. Ахнаф согласился.

Как-то в один черный осенний вечер, когда шёл дождь со снегом, ребята дождались возле дома девушки возвращения Зульфийи от подруги и предложили ей: «Мы оба тебя любим. Выбери кого-нибудь из нас!» Зульфийя промолчала, напрямую ничего не сказала. Заговорила о чем-то постороннем. Пока обсуждали всякие школьные дела, Зульфийя просунула свою руку под руку Карима и прижалась к нему. Ахнаф всё понял, резко повернулся и зашагал в темноту.

На следующее же утро по деревне разнёсся слух: «Карим с Зульфийей встречается, оказывается!» Хотя в школе они не то, чтоб не разговаривали, даже делали вид, что не замечают друг друга, ребята замучили, дразня женихом и невестой. И учителя не остались в сторонке. Ругали и стыдили. Война,

мол, идёт, а вы тут, будучи ещё совсем молодыми, вздумали в любовь играть.

Карим не смог закончить восьмилетку с Зульфией вместе, попал в ФЗУ. Как он туда попал – это отдельная история.

В одно время в деревне стали поговаривать: « Скоро, наверное, война закончится. Дело к тому идёт». Деревенских мальчишек такая новость несколько не обрадовало. Как? А они? Неужели не успеют? Неужели они не отправятся на фронт, не защитят свою страну, не вернутся с войны героями, с грудью, полной орденами? Раз такие дела, нечего сидеть и ждать, когда возраст подойдет для призыва. Надо немедленно отправиться на фронт! Карим со своим другом Ахнафом построили план побега. Назначили день, стали скрытно готовиться. Украдкой высушили мешок сухарей. Смогли достать немного денег. Спрятали на сеновале чистое сменное бельё. Когда назначенный день настал, ранним утром вышли в путь. О том, куда отправились, сказали только младшему брату Ахнафа. Его при этом очень строго предупредили: пока не пройдет день и не наступит вечер, он никому ничего не должен говорить. Если же вечером, спохватившись их, начнут сильно переживать, особенно, если начнут поиски, Брат Ахнафа должен сказать матери о том, что Ахнаф и Карим ушли на войну. А уж она доведёт эту новость до родителей Карима.

Ребята шагали пешком целый день. Только к вечеру пришли на станцию. Ночью забрались на крышу вагона поезда,

который должен был отправиться на Самару. Но не удалось далеко отъехать. В Самаре военные люди выловили их, как зайцев. Но почему-то не отправили обратно домой, а определили в фабрично-заводское училище, где готовят машинистов паровоза. Вот так друзья стали учиться в ФЗУ. Там Карим переболел сыпным тифом, но выжил.

Когда ребята закончили учёбу в ФЗУ, война уже давно закончилась. Ахнаф не захотел возвращаться в деревню, устроился на работу помощником машиниста паровоза. Что ему: у него в деревне нет девушки, и мать не одна – есть младший брат. А Кариму надо возвращаться. Его в деревне ждёт любимая девушка Зульфия. И старые родители у него одни. Карим должен о них заботиться, ему предназначено остаться в родном доме хозяином. Но возвращаться страшно. Отец Карима, старик Шенгерей, известен в округе как очень крутой и скорый на руку человек, может встретить и с кнутом в руках. «Что будет, то и будет!» – решил Карим и поехал в родную деревню.

Нет, отец не стал его бить. Даже не очень сильно ругался. Шенгерей за годы войны сдал очень сильно. Похоже, побег из дома самого младшего сына сильно пошатнуло его здоровье. Отец похудел, ростом стал меньше. И характер немного изменился: стал более сдержанным, что ли. И мать резко постарела. Совсем старуха стала. Вот кому причинил горя Карим, так это ей, наверное, своим побегом на войну. Но, что сделано, то сделано. А первая жена отца, Бибинур-иней, так

та вообще слегла. За ней уход нужен. Отец говорит, что устал ухаживать за ней. Неужели Зульфийи придётся за ней ухаживать – испачканные простыни менять и подмывать её? Если подумать, Зульфию в доме Карима ждёт не очень-то лёгкая и приятная жизнь! Конечно, живут они неплохо, в достатке. Дом у них большой! Есть корова, скотины – полный сарай! У Карима есть ремесло. Не будут голодными. Но Зульфийи придётся ухаживать за тремя стариками! Поэтому Карим никогда не заговаривал с Зульфией о женитьбе. Смелости не хватало. Вон пусть теперь отец и договаривается!

Воспоминания Шенгерей

На обратном пути Шенгерей не гнал лошадь. Оба: и сам старик, и лошадь, уже выбились из сил. И потом, сейчас нельзя торопиться. Надо действовать очень обдуманно. Как же уговорить сына жениться на этой девушке? Его сын Карим нравом очень сильно походит на мать. Резок, любит решать вопросы сгоряча. Всё это надо учесть. Сегодня, когда Карим придёт с работы, надо будет ему рассказать о том, какой ответ дала Камиля на вопрос о женитьбе. Старику Шенгерейу стало жаль сына. Глаза наполнились слезами. Очень ли тяжело перенесёт эту новость сын, или не очень? Конечно, всё зависит оттого, насколько сильно он любит Зульфию. Если он любит эту девушку так же сильно, как сам Шенгерей когда-то полюбил его мать Латифу, тогда дела очень плохи!

Хотя, такая страстная любовь не бывает, наверное, в столь юном возрасте, как у них сейчас. Когда Шенгерей влюбился в Латифу, ему уже было почти шестьдесят. Любил ли он свою первую жену Бибинур? Трудный вопрос. Их сосватали, как тогда было принято. Когда пришло время отделиться, отец и мать стали подбирать ему невесту. Шенгерей не противился. Отцу и матери лучше видно, какую жену ему надо. Пусть подбирают. Потом ему сообщили, что невеста нашлась. Расхвалили. Работящая, мол, и из хорошей семьи. Зовут Бибинур. Назначили день никаха. Но до никаха Шенгерей всё-таки её мельком видел. Нарочно поехал в деревню, откуда была девушка, зашёл к соседям Бибинур и попросил подсобить увидеть девушку. Кто откажет в таком щепетильном, но приятном вопросе? Разрешили караулить возле забора и подсматривать в щель. Долго ждал, пока девушка из дома выйдет во двор. Вышла только ближе к вечеру! Прошла к бане, чем-то погремела в бане и пошла обратно в дом. Вот и вся встреча! Но Шенгерей как сейчас помнит, как разволновался тогда! Понравилась ли ему девушка? Тоже трудно сказать. Помнит, конечно, до сих пор её лицо, платье, передник с вышивкой, толстые длинные косы и быструю походку.

На никахе мулла почитал молитвы за столом, а потом их вместе закрыли в натопленной бане. Никто не спросил: «Любишь ли ты её?» Вот так и начали жить вместе.

Бибинур действительно оказалась очень работящая, толковая женщина. Только очень любила поперёк мужу гово-

ритель. Если он хочет так, то она обязательно этак хочет. Шенгерей вообще не любит, когда ему возражают, а когда жена начинала против говорить, так в нём бес просыпался. Поэтому попадало Бибинуру часто. Уж очень упрямая она была молодая. Влепишь кулаком так, что отлетит в сторонку – остановится, а пока не влепишь, всё своё твердит. Оно, конечно, и Латифа упрямая и настырная. Но, поскольку эту полюбил и сам выбрал в жёны, ей меньше попадало. Бибинуру, бедной, никогда он не говорил нежных слов! Ни внимания, ни ласки от него ей не досталось. Только работа. Стараясь разбогатеть, всё работали и работали вдвоём. Тут у них было полное взаимопонимание. Оба хотели жить в богатстве. Оба понимали, что для этого надо много трудиться. И трудились. И разбогатели. Но не только из-за того, что много работали, конечно. И повезло немного. Совершенно неожиданно большой просторный дом, который построили его дед и отец, также готовое хозяйство достались Шенгерей.

К тому времени, когда Шенгерей собрался жениться, в отцовском доме остались отец и мать с двумя сыновьями – с ним и с братом, выдав старших дочерей замуж за мужчин из соседних деревень. Шенгерей – пятый ребенок в семье. Шестой – Гаяз, самый младший. По вековым обычаям в отцовском доме должен остаться самый младший – Гаяз. Шенгерей же должен был после свадьбы отделиться, построить себе дом. Но Гаяз ещё с юношества стал мечтать о жизни в городе. Много деревенских мужчин работали в городах. А семью

содержали в деревне. Особенно те, у кого не было своей земли. Эти уж вынужденно жили врозь со своей семьёй. Также некоторые неженатые деревенские парни охотно уезжали в Самару, в Казань, в Нижний Новгород, в Оренбург и даже в Петербург. На непьющих, некурящих, работающих и скромных парней в городе всегда был большой спрос. Некоторые, заработав деньги, возвращались, покупали землю, женились. Большая часть оставалась навсегда в городах.

Весной приехал в деревню знакомый абзый из Петербурга навестить свою семью. Гаяз решил уехать с ним. Отец и мать не очень сильно сопротивлялись: не одни остаются, слава Аллаху, старший сын с женой поживёт с ними. Решили: «Пусть немного проветрится, пока молодой. Может, ещё и денег заработает». Гаяз уехал. От случая к случаю через приезжавших из Петербурга получали от него весточки. Прошёл почти год. И пришла тревожная весточка. Приехавший абзый сказал, что Гаяз в городе живёт с одной марджа-женщиной. Отец и мать загоревали. Но ещё была надежда. С нетерпением стали ждать лета. Решили: «Летом, как только придет, надо его женить». Нашли подходящую для Гаяза девушку, работающую, скромную, милую, договорились с родителями.

Где-то к середине лета, наконец, Гаяз приехал. Все заметили, что Гаяз очень сильно изменился. Даже взгляд стал какой-то другой. На всё смотрит с удивлением, как будто видит впервые в жизни. Отцу и брату помогать в делах сразу же

отказался. Сказал, что он отдыхать приехал. Привёз подарки из города. Матери и джингэ – шали, отцу и брату – ткань на рубашку. Деньги не привёз. Сказал, что ещё не успел заработать. Когда заговорили о женитьбе, противиться не стал. Только поставил условие: пока хорошенько не познакомится с девушкой, не женится. Так никто не делает в деревне, но тут ничего не поделаешь. Украдкой от односельчан устроили смотрины. Шенгерей, Гаяз и Бибинур отправились в далёкий лес за ягодами и «случайно» у лесного родника встретили девушку, её мать и сестру. Кто-то сидел и разговаривал, а кто-то собирал ягоды.

Когда пришли из леса, Гаяз очень твёрдо сказал: «Нет». Мать зарыдала, запричитала. Отец помрачнел, почернел лицом. Но уговаривать не стал. Отец был очень резкий, жесткий человек, всегда добивался, чтобы всё было так, как он задумал, но тут смолчал.

В доме всем стало тягостно и неудобно. Гаяз быстренько сообщил о своём решении уехать обратно. Его стали уговаривать остаться ещё хотя бы на некоторое время, отдохнуть. Он отрезал: « Нет. Уезжаю через два дня». Делать нечего, стали готовить Гаяза к отъезду. Зарезали двух куриц из имеющихся семи. Женщины приготовили тукмач с курятиной. Мать и Бибинур наделали бавырсак и чак-чак. Пригласили сестёр с семьями попрощаться с Гаязом.

На следующий день стали собирать Гаяза в путь. Принесли из чулана и положили ему в мешок двух вяленых гусей,

что висели в чулане. Этих гусей женщины берегли с зимы, чтобы летом варить из них суп, кладя по маленькому кусочку, до осени, до новых гусей. Всё-таки суп с гусём – это суп мясной, а не пустой. Вот теперь этих гусей положили в мешок. Положили четыре листа ягодной пастилы – вся пастила, что была заготовлена этим летом. Шенгерей по велению матери выгреб всю муку со дна деревянного лара в небольшой льняной мешок. В другой такой же мешок пересыпал из жбана горох и положил туда же. Завернули в тряпки и положили на дно маленького берестяного сундука, под одежду Гаяза, три десятка яиц, что остались после изготовления бавырсаков и чак-чак. Мать вынесла из погреба последнюю глиняную бутылку топлёного масла. В общем, все съестные запасы в доме собрали. Самим почти ничего не осталось. Бибинур молча выполняла всё, что скажут – она робела перед свекровью и свекорем. Шенгерей тоже молчал, не противился, несмотря на то, что Бибинур была беременна – ей голодать нельзя. Шенгерейю было жаль мать. Всем домашним было ясно: Гаяз уезжает навсегда. Женится на марджа-женщине и будет жить в городе.

В тот день, когда женщины были заняты изготовлением бавырсаков, а отец поехал в соседнюю деревню приглашать дочерей в гости, Шенгерей и Гаяз долго разговаривали, сидя на крыльце. Гаяз рассказывал о том, что в городе жизнь совсем другая, что там жить гораздо легче. Оказывается, Гаязу удалось устроиться помощником приказчика к одному

богатому купцу. «Конечно, есть свои трудности. Не скажу, что легко, – говорил брат. – Но уж всё-равно не сравнить с работой на поле». Богатый купец обещал поставить его приказчиком, если он вернётся обратно в город. А ещё Гаяз рассказывал о том, какие марджа-девушки ласковые, нежные, красивые, какие у них груди упругие и круглые, как мяч, а бёдра – большие и мягкие, как подушка. «Эх, знают они, как в себя влюбить мужчину! – говорил брат мечтательно, откинувшись на стену крыльца и похлопывая обеими ладонями себя по бокам. – Уж всяко не наши дикие и сухие татар-девушки!» Шенгерей слушал Гаяза с удивлением. Всё было так ново. Пытался представить тех самых красивых марджа-девушек. «У наших и одежда непривлекательная, и руки огрубели от работы на земле, да и вообще, от всякой чёрной работы. Ты бы видел хоть раз ручки у городских марджа-девушек! Беленькие-беленькие, мяконькие-мяконькие ручки, розовенькие, гладенькие ноготочки!» – говорил брат, весь ушедший в свои воспоминания. Шенгерей, который никогда не ездил дальше соседней деревни и не видел марджа-девушек, всё было очень интересно. Но также было и очень радостно. Убедился Шенгерей: Гаяз в деревню не вернётся. Дом и хозяйство достанутся Шенгерей. В последний путь отца и мать проводят Шенгерей и Бибинур.

Гаяз уехал. Через какое-то время пришло известие, что Гаяз женился на марджа – девушке, а потом – что у него родилась дочь. Больше Гаяз не приезжал, вестей от него не бы-

ло. Мать так и не оправилась от горя, стала болеть и следующим летом умерла. Отец пожил после матери совсем недолго, осенью слёг, зимой умер. Шенгерей и Бибинур остались жить в родительском доме. Дом большой, шестистенный, хозяйство добротное. В углу двора есть каменный хороший амбар. Но, самое главное – за домом до леса тянется широкая полоса земли, где был прекрасный плодородный чернозём! Почему «был»? Он и сейчас хороший и плодородный. А иначе и быть не может – каждый год Шенгерей его щедро коровьим и лошадиным навозом удобряет!

Сказать: «Разбогатели тогда!» – не совсем правильно, конечно. Никого они не нанимали на работу. А по-настоящему богатые нанимают. Шенгерей и Бибинур всё сами выполняли по хозяйству. Бибинур родила одного за другим трёх мальчиков. Живот горой, а всё равно все домашние дела самой приходилось выполнять. Третьего сына Халила чуть в сарае не родила, куда пошла корову доить. Не смогла подоить, бросила ведро с молоком в сарае и кое-как добралась до крыльца. Хорошо ещё, что Шенгерей уже вернулся с поля. Пришлось стать кендек-эби своему сыну. Не кендек-эби уж, а кендек-бабай.

Родив трёх мальчишек, Бибинур перестала беременеть. Это её сильно огорчало. Ей нужна была дочь, помощница по дому. Время шло, Бибинур не беременела и всё больше горевала. Шенгерей же не огорчился. «Вырасти трёх сыновей, сделай из них хороших людей. Тебе что, трёх мало? – пытал-

ся он утешить жену. – Чем меньше детей, тем они более сытые и лучше одетые!» Так и было на самом деле. Шенгерей и Бибинур всех троих зимой несколько лет подряд отправляли учиться в медресе. Дети научились читать и писать, научились намазу. Шенгерей сам тоже в своё время ходил в медресе, спасибо родителям, умеет читать и писать. Только вот на намаз так и не встал. Пусть Аллах простит его за такой грех. В мечеть по пятницам он всю жизнь ходит. Там, конечно, он вместе со всеми намаз читает. Шенгерей никогда не переставал читать молитвы, никакое дело не начинает без «Бисмиллах», но на намаз так и не встал.

Бибинур всё-таки сделала по-своему. Скрывая от Шенгерей, тайком да украдкой всё ходила лечиться к бабкам, заваривала и пила какие-то травы. Когда им обоим перевалило за сорок, родила ещё одного мальчика, и, через год, наконец, девочку.

Приближались лихие времена.

Горькие воспоминания Шенгерей

Шенгерей положил вожжи возле себя на телегу и разрешил лошади идти своим ходом. Сам продолжил вспоминать свою жизнь. Он любит прокручивать в голове события своей жизни. И плохие, и хорошие. Чего было больше – плохого или хорошего? Конечно, плохого больше. Но, странное дело: теперь, по прошествии лет, ему нравилось вспоминать даже

горькие события. Он оценивал себя: правильно ли он поступил тогда? И, чаще всего оставался собою доволен: да, он поступил достойно, или, хотя бы уж, разумно!

В год, когда родился четвёртый сын Хамит, была засуха. Это был 1910ый год. В том году весна пришла очень рано. С хорошим настроением и с большими надеждами посеяли овёс, рожь, гречиху. Когда весенние полевые работы закончились, весело и всенародно провели сабантуй. Стали ждать дождь. Чтобы взошли семена, нужен дождь. А его не было. Сначала не очень беспокоились. Надеялись и ждали. Потом в души стал подкрадываться страх. Люди перестали улыбаться, а, тем более, смеяться. В лицах, даже у детей, появились напряжение и тревожная озабоченность. Деревенские старики каждый вечер собирались возле мечети и решали, как быть. Решили варить «кашу дождя». Вспомнили, что несколько лет назад такая каша помогла – полил дождь. Появилась маленькая надежда. Люди оживились, засуетились. В назначенный день весь деревенский люд в нарядных одеждах отправился на поляну за деревней, где обычно проходит сабантуй. Каждая семья принесла столько крупы, сколько могла выделить. В вёдрах принесли воды. Сделали костёр, повесили казаны, женщины стали варить кашу. Пока варилась каша, люди во главе с муллой читали молитвы, просили Аллаха послать дождь. Кашу съели, стали ждать. А дождя не было ни в тот день, ни потом.

Наступила середина лета. Трава пожелтела и высохла. Ко-

ровы стали приходиться с пастбища голодные. Земля на полях высохла и потрескалась. Вылезшие там-сям хилые и уродливые растения не заколосились. Пришёл голод.

В ту зиму, особенно ближе к весне, вымерло полдеревни. Несколько раз помогала земская управа: раздавали рожь по ковшу на каждого члена семьи. Но разве этим спасёшь людей от голода? Хотя, может быть, кто-то и остался жив именно из-за этой ржи.

Семья Шенгереев выжила. Недоедали, но никто с голоду не умер. Потому что к этому времени за домом у Шенгереев был прекрасный сад и прекрасный огород!

Когда Гаяз уехал жить в город, а родители умерли, Шенгерей и Бибинур на земле за домом решили вырастить сад. И огород решили увеличить. На том месте, где намечался сад, посадили десяток яблонь, более десятка слив, много кустов черной и красной смородины. Посадили ореховые деревья, черемуху, вишню, калину. В огороде посадили кроме репы, свеклы да лука, такие овощи, которые до них ещё в деревне никто не выращивал.

Сад стал плодоносить только через несколько лет. А огород Шенгерей всё расширял и расширял, потому что выращивание редких овощей оказалось очень выгодным делом. Вот и в засушливый год огород и сад выручили семью.

Из-за того, что угол огорода пересекал стекающий с горы небольшой ручеёк, овощам и деревьям Шенгереев повезло: хоть и редко, но их поливали. На полях Шенгереев урожай,

как у всех, не вырос, но зато у него были овощи и фрукты. Только поэтому не умерли с голоду. Помогли и сестрам Шенгеря – их дети тоже остались живы.

В голодные годы надо как-то дожить до того времени, когда взойдёт крапива. Потом пойдет лебеда, свербига, кислица, конский щавель и другие разные съедобные растения. Когда появляется крапива, люди легко вздыхают. Появляется уверенность, что выживут. Из крапивы, из других растений можно готовить еду. Крапиву собираешь, моешь, кипятком ошпариваешь, остужаешь и крошишь. Потом бросаешь в крутой кипяток. Вот тебе супчик на всю семью. Если добавишь соль, хотя бы ложечку ржаной муки и размешаешь, после такой еды вообще появляется чувство сытости на некоторое время. А если сохранились куры, и есть яйца, то можно в этот суп еще два, или хотя бы одно яйцо разбить. Но совсем уж предел мечтаний – добавить туда же ложечку-две молока.

Но не было ни молока, ни кур, ни яиц! Да-а, и как только выжили?

Именно благодаря огороду выжили корова и лошадь Шенгеря. Похудели так, что смотреть на них было страшно. Весной, как только на земле появились маленькие зелёные росточки, животных погнали в стадо. Это было страшное зрелище. Худые, измождённые, шатающиеся коровы, еле волоча ноги и спотыкаясь, из последних сил добредали до зелёной травы и грызли её вместе с корнями и почвой.

Пришла весна, а семян нет. Стали с Бибинур думать, как быть. Думали-думали, правильнее сказать, спорили-спорили до криков и решили продать корову, а на вырученные деньги купить рожь. Лошадь продавать нельзя – на корове землю не вспашешь. Без коровы жизнь в деревне очень тяжела – это всем известно: семью корова кормит. А без хлеба оставаться – тоже никак. Продали корову. Посеяли рожь. Хватило на половину поля. Вторая половина осталась пустой...

В это лето дожди были. Урожай был неплохой. Осенью Шенгерей продал много овощей и фруктов в городе. Купили корову и годовалого теленка. Когда родилась дочь Фатима, в сарае было корова, а на столе – молоко. Если б не было коровы, Фатима умерла бы, наверное, сразу. Из-за того, что ли, что мать недоедала во время беременности, или по какой другой причине, Фатима родилась слабой и больной. Стали возить её по врачам. «Сердце у неё большое. Долго не проживёт», – сказали они. Бибинур совсем обезумела от горя. Стала всё своё время проводить с дочерью. Кое-как делает самые необходимые домашние дела, и сидит, прижав дочь к груди. Шенгерей некоторое время терпел – жалел жену, потом терпение кончилось. Стал ругать, кричать на неё, не выдержав, побил. Но никакого толку. Отстал. Решил – пусть сидит. Слава Аллаху, есть почти взрослые сыновья – справятся. Не пропадут.

Фатима стала расти, научилась ползать, потом – ходить, стала разговаривать. «Вот же, живёт. До трёх лет дожила.

А говорили, что умрёт. Может быть, врачи ошибаются?» – думали Шенгерей и Бибинур с надеждой. Намеревались серьёзно лечить. Но не удалось. В стране началась война. С какой-то далёкой Германией. И начались мучения. Сначала пришли люди с ружьями и забрали лошадь со двора. «Лошади нужны на войне!» – сказали. Шенгерей стиснул зубы до хруста. Но стерпел. Подавил в себе ярость. Не пойдешь же, правда, с молотком против людей с ружьями. Пришлось научиться пахать на быках. Потом – старшего сына Хатипа забрали на фронт. Шенгерей продолжал работать, теперь уже с подросшими сыновьями, наживая богатство, а военные с ружьями продолжали приходить и грабить – забирали зерно, овощи, скотину из сарая. Объясняли этот грабёж тем, что продовольствие нужно воюющим. И назывался этот узаконенный грабёж страшным, непонятным, труднопроизносимым словом «продразвёрстка».

Городские стали возвращаться в деревню. Говорили, что в городе страшный голод, разруха. И работы, мол, нет. Приехавшие попозже стали говорить, что царя скинули, что теперь в стране Временное правительство. Шенгерее было совершенно всё равно, кто там правит, лишь бы сын Хатип вернулся домой живым. Но война продолжалась.

Наступила Октябрьская революция. И в деревне, как и везде, установилась Советская власть. Называлась эта власть здесь у них в деревне «комитет бедноты». Какой был лютый этот комитет! Эти отняли у Шенгерее все земли, всю скоти-

ну, все ценные вещи в доме, все орудия труда, даже половину сада за домом! Но не отняли дом, огород, половину сада. Самого не забрали и не расстреляли. Многие менее богатые, чем Шенгерей, люди сгнули. А Шенгерей, слава Аллаху, жив. Причины есть. Их две. Как бы тяжело не было расставаться с добром, нажитым честным непосильным трудом, Шенгерей умел останавливать себя в ярости. Вторая причина – сын Хатип. Он вернулся с войны живым и целым. Мало того, что вернулся, он пришёл с войны с трёхлинейкой!

Оказывается, на фронте среди солдат прошёл слух, что в деревнях землю раздают. Кто-то подзуживал, что все в деревнях получают земли, а воюющие солдаты останутся ни с чем. И солдаты разбежались по деревням. Хатип и несколько односельчан тоже сбежали. У каждого в руках – оружие. Надо было такому случиться! Шенгерей давно уже мечтал об оружии. Каждый раз, когда в очередной раз приходили его грабить, он сильно жалел о том, что у него нет оружия. И вот, слава Аллаху, теперь оно у него появилось! Сын ему трёхлинейку отдал. Только велел спрятать так, чтоб никто не мог найти при обыске. Сказал, что, если найдут, будет очень плохо. Это Шенгерей и сам понимал.

А землю, конечно, никто не раздавал.

Хатип приехал сильно изменившимся. Как приехал, сразу же женился. Договорился с одной очень бедной одинокой старухой и ушёл жить с молодой женой в её ветхую избу. Сын Шенгерей вернулся сторонником Советской власти.

Винтовка под названием «трёхлинейка» осталась у Шенгеря. Хатип никогда не спрашивал у отца про винтовку. Потом, попозже, были времена, когда снова приходили отнимать у Шенгеря нажитое и был повод расстрелять грабителей, но Шенгерей никогда не доставал трёхлинейку из тайника. Боялся подвести сына.

Время шло. Фатима росла. Но очень много времени проводила, без сил, в постели.

Советская власть немного расслабила петлю на шее. Появилась возможность спокойно дышать. Шенгерей и Бибинур опять стали наживать богатство. Теперь уже и сыновья помогали по хозяйству. Приобрели лошадей, коров и всякую другую скотину, орудия труда. Появилась надежда, что жизнь станет спокойной и ровной. Но нет. Спокойной жизни так и не было. Советская власть стала организовывать колхозы. Каково оно: своих собственных коров и лошадей надо собственноручно отвести и сдать в колхоз! Это, значит, тем разгильдяям, кто не трудился все эти годы, как Шенгерей, и ничего не нажил! Сопrotивлялся, конечно! Советская власть объявила его врагом. Кулаком его называли. Дрался с советчиками, кнутом их стегал, но винтовку не доставал. Хоть тогда ему было почти пять десятков, Шенгерей был очень сильным и здоровым мужчиной. Деревенские его очень уважали. Если где возникал какой спор, люди приходили к нему: «Помоги решить вопрос, Шенгерей абзый. Никак не можем понять, как тут поступить». Наверное, из-за

того, что сын был среди советчиков, а, может, из-за того, что уважали в деревне, опять ему всё сошло с рук – не отняли дом и не отправили в Сибирь со всей семьёй, как других. А лошадей и коров пришлось отдать. Но Шенгерей оказался очень живучим. Всё продолжал работать и наживать богатство. Выращивал невиданные до этого в деревне овощи и фрукты и получал хорошие урожаи. У него, вообще, всегда овощи и фрукты дают хороший урожай, как заговорённые. Особенно удавались ему дыни. Именно из-за дынь они сблизились с Латифой.

Сладкие воспоминания Шенгерей

Жара немного спала. Телега однозвучно скрипела. Шенгерей вспоминал...

Одной весной Шенгерей и Бибинур украдкой от людей посадили в далёком лесу на берегу маленькой речушки Карасу дыню. Эта земля когда-то была собственностью Шенгерей, но Советская власть отняла её. Отнять отняла, но там уже много лет никто ничего не сажает, земля пустует. Далеко она находится от деревни, видите ли. Да, далековато, но там очень хорошо поспевала дыня! Земля там – плодородный чернозём, вода – рядом. Если повезёт с погодой, можно вырастить хороший урожай и получить немало денег от продажи дыни. Решились Шенгерей и Бибинур. Ездить далеко, но одна колхозная лошадь в полном распоряжении Шен-

геря. Посадили. Шенгерей стал ездить поливать дыню: запрягает лошадь и как будто бы отправляется просто в лес по какому-либо делу. Как-то раз ехал Шенгерей поливать свой огород и услышал в кустах какие-то странные звуки. То ли женский голос, то ли детский. То ли смеётся, то ли плачет? Шенгерей удивился. Здесь не должно быть людских голосов! Тут люди не ходят. Правда, в нескольких километрах отсюда бригада мужчин уже с весны валит лес и заготавливает дрова, но зачем им ходить здесь? Да и голос не мужской. Кто же это может быть? Шенгерей остановил лошадь и отправился к кустам. Голоса стали слышны лучше. Теперь Шенгерей показалось, что мужчина что-то бормочет, а женщина просит помощи. Шенгерей побежал быстрее, прямо через кусты и крапивники. И выскочил на то место, где раздетая женщина отчаянно боролась с мужчиной, тоже полураздетым. Шенгерей узнал обоих. Мужчина, навалившийся на женщину, был из их деревни, Закир с верхней улицы, человек бессемейный, беспутный и бесстыжий. Женщина была из соседней деревни, по имени Латифа, она, как знал Шенгерей, работала в бригаде лесорубов поварихой.

Шенгерей долго не думал, что делать. Схватил Закира за рубашку двумя руками, поднял и швырнул в крапивник. Закир совсем не был готов к такому, даже не успел понять, что случилось, поэтому не сопротивлялся. Полетел в середину крапивника, сверкая голыми ногами. Только оказавшись в крапивнике, понял, что случилось. «Шенгерей абзый?» –

прошептал, от удивления округлив глаза. Потом лицо побелело от злости: «Ты чего суёшься не в свои дела, Шенгерей абзый? Шел бы ты своей дорогой и не вмешивался в то, что тебя не касается!» «Исчезни! Исчезни с моих глаз немедленно! Иначе...!» – прохрипел Шенгерей со страшной злостью. – Иначе – стегану кнутом!» Он, как всегда, по своей старой привычке, хоть и слез с телеги, а кнут на телеге не оставил, а засунул себе за билбау. А кнут в умелых руках – это хорошее оружие! Особенно, если он такой длинный и с жестким концом, как у Шенгерей. Шенгерей сам сплёл свой кнут, и, как всё в своей жизни, сделал его на совесть.

«Ладно, ладно, Шенгерей абзый. Не последний день живём. Ты ещё об этом сильно пожалеешь!» – бормотал Закир, вылезая из крапивника и натягивая штаны. Угрожая страшной мстостью и ещё что-то бормоча, исчез среди деревьев. Пошёл в сторону деревни.

Тем временем Латифа поднялась и села, взяла платье, которое валялось неподалёку, прижав его к лицу обеими руками, громко рыдала. Она даже и не думала одеваться! Шенгерей некоторое время стоял и смотрел на неё, ждал. Остановится же когда – нибудь! Э-хэ-хэ, какая она, оказывается, красавица! Какое же у неё, однако, красивое тело! Здоровое, упитанное, ладное! Бёдра, плечи, локти, колени – всё такое кругленькое, гладенькое, что аж на выпуклых местах кожа блестит. Шея не тонкая, а в самый раз для такого красивого тела! Косы расплелись, волосы рассыпались. Видать,

довольно долго тягались. Ай, Аллах, разве волосы бывают такими блестящими? На шёлк похожи. Наверное, такие же гладкие, как шёлк? Шенгерю сильно захотелось потрогать эти волосы, потом захотелось потрогать это прекрасное тело во всех местах. Возникло безумное желание обнять эту женщину, прижать к себе, целовать эту нежную шею, эти шелковистые волосы, эти прекрасные гладкие круглые плечи. Шенгерю подумалось, что он мог бы стоять и смотреть на неё вечно, и ему бы не надоело. Да-а, Закира тоже можно понять! Неспроста он к ней приставал, похоже. Закир молодой человек, а вот Шенгерей чего стоит и пялится на эту раздетую молодую женщину? Это ещё что такое? Что это с ним? Оказывается, Шенгерей тоже не старый? Он уже много лет не испытывал никаких подобных чувств. Такого рода волнения его уже давно не беспокоили. Он уже давно выкинул себя из числа мужчин. О своей старухе Бибинур вспоминал крайне редко. «Мои времена прошли, молодость позади», – думал Шенгерей. Правда, душа-то у него по-прежнему молодая, и чувствовал он себя почти джигитом, но, если у тебя жена старуха, откуда появится желание любить? Да к тому же его жена Бибинур, переживая из-за болезни их дочери Фатимы, высохла и почернела, как вяленая конина. И в молодости телом немного на мужчин похожая Бибинур к старости стала совсем некрасивая. Груды стали совсем пустые и обвисли, ноги стали тонкие и сухие, как коряги. У неё плечи и в молодости-то были угловатые, а теперь, когда она

сильно похудела, наверное, кости вообще выпирают. Шенгерей в последние годы уже и в баню не стал с ней ходить!

Так думал Шенгерей, стоя недалеко от женщины и невольно рассматривая её с жадностью. Ай, Аллах, оказывается, у Шенгеря есть ещё очень сильное желание любить и быть любимым! Эх –хе– хе! Нехорошо так стоять. Надо бы давно отвернуться. «Неприлично так стоять. Надо как-то себя заставить отвернуться», – подумал Шенгерей. Только собрался духом, вдруг женщина отняла платье от лица и посмотрела прямо в глаза Шенгерю. Ах, шайтан её унеси, и глаза-то у неё, оказывается, вон какие! На круглом, как луна, лице, полные какой-то невыразимой печали большие зелёные глаза! На густых пушистых ресницах – капельки слёз. Брови, будто бархатные, тоже мокрые от слёз. А губы похожи на спелую вишню, тёмно-красные. Края губ очень чётко очерчены, как в жизни не бывает. Такое впечатление, что она всю ночь сидела и старательно обводила края губ тёмно-красным карандашом. Если б на самом деле обводила, то должны были уже размазаться. Получается, свои такие? Такие губы у женщин на картинах бывают. А у этой – свои. Ай, Аллах, неужели бывают такие красивые губки? Как же терпеть всё это? От растерянности Шенгерей застыл. Дышать стало трудно, сердце прыгало в груди, как шальное. Не мог говорить – онемел. Так и стоял, как пень, уставившись на неё. Хорошо ещё, что женщина сама заговорила: «Спасибо вам, Шенгерей абзый!» Тут и Шенгерей стал в состоянии говорить. «Зачем же

ты с ним в лес пришла, если потом плачешь?» – спросил резко суровым голосом. Самому стало сразу же очень неловко: в голосе были явно слышны и ревность, и сильный гнев. Подумалось: «Как бы не выдать себя!»

Заподозрила женщина что-то или нет, но быстро вскочила на ноги и стала быстро одеваться. Тут Шенгерей должен был по всем правилам приличия повернуться к ней спиной, но он не нашёл для этого в себе силы. Так и продолжал стоять и смотреть на неё. Хоть в теле, но талия тонкая. Среднего роста. Спереди есть совершенно круглый очень миленький живот. Йа ходай, дожив до шестидесяти лет, Шенгерей и не подозревал, что у женщин может быть такой красивый живот!

«Я с ним в лес не пришла. Я в вашу деревню по своим делам ходила, он подкараулил меня», – говорила Латифа, быстро одеваясь. Хорошо, что она больше не поднимала глаз и не смотрела на него. Если б они встретились глазами, Шенгерей бы пропал! Какой стыд! Позор! Ему безумно хотелось схватить эту им же спасённую женщину, повалить на траву и бешено целовать во все места! Собрав всю силу воли, Шенгерей стоял на месте. «Давай провожу тебя до бригады!» – сказал, наконец. Голос получился хриплым, рваным. «Спасибо вам, Шенгерей абзый!» – говорила Латифа, не поднимая глаз, собирая волосы в косы.

Вышли на дорогу. Шенгерей сел на телегу на своё место и стал ждать, когда сзади усядется Латифа. Телега качну-

лась. Шенгерей понял, что женщина забралась на телегу, но не повернулся, не посмотрел. Тихонечко, только кончиком вожжей, хлестанул по крупу лошади. Лошадь пошла. По дороге они не разговаривали. Шенгерей всем своим телом и всей душой чувствовал её, тихо сидящую сзади Латифу. Ему даже показалось, что от неё до его спины доходит тепло её тела. Казалось, что он слышит её дыхание, чувствует её запах. Перед глазами стояла почти голая Латифа и никуда не исчезала, как бы он не пытался прогнать это видение. «Надо же, какие бывают на свете женщины! Какая молодая! Самое время быть любимой и любить!» – думал Шенгерей. Он вспомнил: где-то два года назад у этой женщины умер муж.

Когда до бригады осталось примерно полкилометра, Шенгерей, не поворачиваясь, остановил лошадь. Латифа сразу же всё поняла, быстро спрыгнула с телеги и побежала вперёд. Шенгерей с нетерпением ждал, когда она выйдет на дорогу: «Интересно, как же она бежит – красиво или нет?» Да, очень красиво побежала. Шенгерей снова сильно разволновался. Что с ним случилось в этот день – Шенгерей сам тогда не совсем понял.

Рай в шалаше. Сладкие воспоминания Шенгерейя (продолжение)

«Надо бы попоить лошадь», – подумал Шенгерей. Вспомнил, что здесь, где он сейчас проезжает, речка Карасу со-

всем близко. Повернул лошадь к речке. Шенгерей относится к этой маленькой речушке как к другу, с которым у него есть общие секреты. Хоть она протекает и далеко от деревни, так получилось, что Шенгерей в течение всей своей жизни часто встречался с ней и проводил на её берегу много времени. Знают они друг друга уже более полвека. Всё это время вода течёт и течёт в Карасу. И у Шенгереев жизнь течёт так же непрерывно. Не в таком далёком будущем жизнь Шенгереев перестанет течь, а вода в Карасу продолжит свой бег. Пусть, пусть, Шенгерей не возражает. Пусть Карасу никогда не перестанет течь! Шенгерей тоже хотел бы ещё жить долго, но человек не может жить вечно.

Напоив лошадь и забравшись на телегу, Шенгерей опять погрузился в свои воспоминания. Его огород находился как раз на берегу этой речки, недалеко отсюда, ниже по течению. Теперь, наверное, там и следов от огорода не осталось. Колхоз не выращивает дыни. Эх-хе-хе, как хорошо росли дыни в огороде у Шенгереев!

В тот раз, проводив Латифу до бригады, Шенгерей отправился на свой огород. Полил дыни, собрал огурцы. У него там и огуречная грядка была. Поел варёные яйца, прихваченные с собой, попил молока с куском чёрного хлеба. А перед глазами всё время стояла Латифа. Интересно, увидит ли он эту женщину когда-нибудь ещё раз? Если после сегодняшнего позорного случая она уволится и уедет в свою деревню, Шенгерей, скорее всего, больше никогда её не уви-

дит. Эх-хе-хе, как бы хотелось увидеть хотя бы ещё раз! Но ничего не поделаешь, он уже отжил своё. Его время прошло. У него уже вон даже сыновья стареть начали, не только он сам. И дома у Шенгеря сидит старуха— жена и ждёт его. Но ждёт ли? Не ждёт, пожалуй. Если б ждала, когда Шенгерей приезжает и заходит в дом, поднимала б глаза и взглянула бы на него, улыбнулась бы хоть раз. Из-за того, что дочь больна, Бибинур обозлилась на весь белый свет. И Шенгерю нет никакого внимания. Бибинур и Шенгрей давно уже толком не разговаривали. Поэтому он и домой не хочет возвращаться. И правда, почему бы Шенгерю не сделать здесь шалаш? Если б был шалаш, он мог бы через день оставаться здесь ночевать. И сена бы за лето наготовил предостаточно. Здесь полно полян, никому не нужных, где травы по пояс.

Шенгерей вдохновенно стал строить шалаш. К вечеру прекрасный шалаш был готов. Раз есть где спать, решил остаться ночевать. Накосил свежей травы и застелил пол. Принёс с телеги рогожу и положил на траву. Укрыться есть чем – Шенгерей всегда на телеге возит с собой старую шубу. Нарубил берёзовых веток, чтобы закрыть лаз. «Завтра утром надо будет смастерить что-то, похожее на дверь!» – решил Шенгерей. С большим удовольствием вытянулся на траве в шалаше. Эх, как было здорово в шалаше! Стоял аромат свежекошенной травы. Было слышно журчание воды неподалеку, шуршание свежего сена и жужжание насекомых вблизи. Всё это успокаивало, радовало душу. Блаженство! Думая о Ла-

тифе, Шенгерей уснул сладостным сном.

Шенгерей встретил Латифу через два дня на той же дороге. Из-за поворота вдруг появилась прямо перед лошадыю. Хотя и очень хотел встречи, все эти дни только об этом и мечтал, Шенгерей сильно растерялся. Потом разозлился. опять болтается эта женщина в лесу одна, ищет приключения на свою голову.

«Здравствуйте, Шенгерей абзый!» – сказала Латифа, глядя прямо в глаза Шенгерее. «Здравствуй!» – хриплым голосом выдал из себя Шенгерей. Теперь что делать? Проехать мимо? Нет. Не смог. Остановил лошадь. Латифа тоже встала. Долго стояли молча. «Ну и чего опять одна ходишь по лесу?» – спросил, наконец, Шенгерей гневным голосом. «Мои дети остались в деревне одни, – сказала Латифа. – Они голодны. У них совсем нет еды. Я через знакомых в вашей деревне передала им крупы и подсолнечное масло». Шенгерей не поверил своим ушам. Как? Эта совсем незнакомая женщина откровенно признаётся Шенгерее в том, что она совершает преступление? Понятно, что она припрятала крупу и масло, когда готовила еду лесорубам. Если Шенгерей доложит, ей конец! Что же это означает? Или эта женщина очень глупа, или же очень умна: поняла уже, что Шенгерей ни за что, никогда её не заложит. Опять помолчали. «Садись, отвезу!» – сказал Шенгерей. Легко подпрыгнула и уселась на телеге сзади Шенгерее. Долго ехали молча. Каждый ушёл в свои думы. Когда уже почти доехали до того самого места,

где в прошлый раз он ей высадил, Шенгерей спросил: «Когда в следующий раз собираешься в деревню?»

«В субботу», – ответила она. «Я тебя на этом самом месте буду ждать ровно в восемь часов утра», – сказал Шенгерей, изо всех сил стараясь казаться спокойным. «Ладно!» – сказала она, легко прыгнула с телеги и побежала в сторону бригады. У Шенгерей радость не помещалась внутри, а выпирала наружу. Было такое ощущение, что сейчас он лопнет от счастья и разлетится во все стороны, до неба! Хорошо ещё, никто его не видит. Эх-хе-хе, влюбился, дожив до такого пожилого возраста, ну что за дела?

Шенгерей стал дни проводить на огороде, поливая и пропалывая. Готовил сено. Ночевал в шалаше. Возил до деревни и обратно Латифу. Постепенно подружились. Как-то Шенгерей пригласил Латифу к себе в гости на огород. Был очень тёплый летний вечер. Шенгерей угостил Латифу чаем с мёдом и с малиной. Искупались вдвоём в речке. Латифа осталась ночевать с Шенгерем в шалаше. Эх-хе-хе, как было хорошо Шенгерей в эти ночи! Сам только знает.

Интересно, как бы жил Шенгерей все эти годы, если б не встретился тогда с Латифой? Сколько же лет прошло с этих событий? Шенгерей стал считать. Сейчас Кариму девятнадцать, значит, не менее двадцати лет. Да – а, всяко было за эти двадцать лет, но одно Шенгерей знает точно: если б тогда не встретил Латифу, он бы так и умер, не узнав, что такое любовь.

Были трудные времена!

В деревне очень быстро распространился слух, что Шенгерей распутничает. Первым делом узнали, конечно же, лесорубы. Остальные две поварихи в бригаде заметили, что Латифа поздно вечером куда-то исчезает и на рассвете появляется ниоткуда. Стали допытываться, где это она проводит ночи. Разве скажет Латифа, она оказалась очень умной и толковой женщиной! Но шило в мешке не утаишь – скоро все в бригаде узнали, куда исчезает Латифа. Как-то вечером Шенгерей в условленном месте среди деревьев ждал Латифу, глядя свою лошадь по морде. Вдруг выскочили на него трое лесорубов. «Что, Шенгерей абзый, Латифу ждёшь? Ну жди, жди. Понятно, оно дело молодое!» – сказал один, и все захохотали. Шенгерей промолчал. Пусть смеются! Ему всё равно. Бедные, у них нет такой любви, как у него! Если бы знали, как он счастлив, они от зависти лопнули бы!

С этого дня в деревне пошли сплетни, разговоры. Биби-нуру, наверное, тоже доложили. Но она никак не проявляла, что знает. А вот самый старший сын пришёл как-то вечером поговорить. Причину придумал: как будто бы у его амбара угол обшарпался, мел нужен, а у него кончился. У Шенгереея есть, вдвоём пошли в амбар за мелом. Когда зашли в амбар, спросил прямо: «Отец, в деревне про тебя всякие сплетни ходят. Это правда?» Шенгерей молчал. Чувствовал себя как

маленький провинившийся мальчик перед грозным отцом. Покраснел так, что навернулись слёзы на глаза. «Отец, ты прекрати это ошибочное дело. Ты же мать обижаешь. Нас краснеть заставляешь. Ты что, молодой бабник, чтобы путаться с женщинами?» – сказал сын строго. Насыпал мела из большого мешка чуть-чуть, чисто для названия, и вышел из амбара. Шенгерей остался сидеть в амбаре на лавке. Вон, оказывается, как! Если самый старший пришёл, значит, знают и все остальные его сыновья: Хаджип, Ханиф, Хамит. Значит, все против, а отправили старшего. Да-а, дела. Шенгерей как будто придавили огромным камнем. Совсем раздавила его эта новость. Не хочет Шенгерей портить отношения со своими сыновьями. Он очень дорожит ими, гордится. Славные у него сыновья! Как на подбор, работящие, выносливые, немногословные, действующие обдуманно, как сам Шенгерей. Хороших детей они воспитали с Бибинур, нечего и сказать. Хорошие-то хорошие, а вот надумали отца учить, ему как жить. У старших троих есть жёны, у четвёртого – Хамита, есть любимая девушка. Взрослые мужчины, а вот отца понять не хотят! Он же не путается с Латифой, он по-настоящему влюбился!

Очень долго сидел в тёмном амбаре Шенгерей. И что потом? А потом вышел из амбара, запряг лошадь и поехал в лес к условленному месту встречать свою любимую, свою птичку, своё утешение и счастье – Латифу.

Поудел Шенгерей в то лето здорово. И неудивительно.

Целый день косит траву. Почти каждый вечер, когда стемнеет, едет на лошади за Латифой, на рассвете отвозит обратно. Питался плохо, чем ни попадя. Но всё равно он был счастлив в то лето, как никогда в жизни. Весь был переполнен чувствами. Иногда не выдерживал напора своих радостных чувств: громким криком наполнял лес и берег речки: «Э-ге-гей!» Лес и речка отвечали ему таким же радостным эхом. Казалось, что вся природа ликует вместе с ним. Когда вспоминал прошлую ночь или какой-нибудь разговор с Латифой, её ласковые слова, душа утончалась, на глаза наворачивались слёзы, и он начинал скакать, как молодой жеребёнок. Вот тебе старик!

Но в этом мире всё временно. Счастливое, прекрасное лето быстро прошло. Дыни поспели. Ночи стали холодные. В шалаше ночевать стало нельзя. Шенгерей растерялся. Что делать? С Латифой расстаться он не может! Бросить её он не в силах! Он согласен умереть, но не согласен расстаться с ней! Нет, умереть он тоже не согласен, потому что это – тоже расставание с ней! Одурел Шенгерей от разных дум. Развестись с Бибинур и жениться на Латифе? Что скажут четверо сыновей и дочь Фатима? Они совсем не обрадуются этому! Аллах храни, из-за того, что влюбился, на старости лет лишиться пятерых своих детей – это ли не беда? А что станет с Бибинур? Каково будет ей! Когда тебе уже шесть десятков, муж оставляет тебя и уходит с молодой женой! Как? Разве он собирается оставить свой родной дом? Он родился в этом

доме, тут родились его отец и деды, и он теперь оставит родное гнездо и куда-то уйдет с молодой женой? Надо быть совсем дураком, чтобы оставить нажитое своим трудом богатство и уйти в пустоту в шестьдесят лет. И надо быть совсем бездушным, чтобы так поступить с Бибинур. И что тогда с ней делать? Куда её девать? А что делать с Фатимой? И Хамит же есть ещё дома. На самом-то деле хозяин этого дома – Хамит. Он должен остаться здесь жить после Шенгерей. Если Шенгерей уйдет с молодой женой, так будет уже сейчас. Не-ет, не может Шенгерей уйти из родного дома. Он должен дожить свою жизнь в этом доме и умереть здесь же! Он должен жить в этом доме с Латифой! Но Хамита, Бибинур и Фатиму тоже не выгонишь. Один единственный выход – всем вместе жить в этом доме. Ай, Аллах, какие мысли приходят в голову Шенгерей! Собрался жить с двумя жёнами и со взрослыми детьми в одном доме! Почему в одном доме? Можно поставить ещё один небольшой дом на огороде. Но ведь есть еще закон! Советская власть запрещает жить с двумя жёнами! Посадят за многожёнство.

Думал и думал Шенгерей о том, как быть. Ничего не мог придумать. А вопрос решился сам собой. Когда встретились в следующий раз в шалаше, Латифа сказала, что беременна. Шенгерей чуть плохо не стало. Ай, старый дурак, ему же и в голову не пришло, что такое может случиться! После этого он принял твёрдое решение привести Латифу в свой родной дом.

Шенгерей вздрогнул, услышав гул трактора в дальнем лесу. Прислушался. У каждого трактора свой звук. Гул трактора своего сына Карима Шенгерей узнал бы среди гула сотни тракторов. Родной звук, привычный. Гул приблизился. Да, это его сын Карим возвращается с работы. Когда подумал про сына, внутри разлилось приятное тепло. Любит своего самого младшего сына Шенгерей. Карим – вся его надежда. Хоть бы был счастлив его сын! Вон Шенгерей ему отличную жену нашёл: девушка по имени Саида из деревни Кызылтау, дочь уважаемого человека – старика по имени Поляк Фазылджан! Шенгерей как-то не сомневался, что Поляк Фазылджан не откажется отдать свою дочь невесткой в дом Шенгереев, также не сомневался, что девушка не откажется. Но в душе что-то свербило: лишь бы сын согласился!

Горькие воспоминания Бибинур

Бибинур прошлой ночью не могла уснуть. Промучилась. Какие только мрачные мысли не приходили в голову! Упрашивала Аллаха, чтобы послал смерть. Вчера эти опять скандалили из-за неё. Шенгерей хочет заставить свою молодую жену Латифу ухаживать за Бибинур. Да не будет никогда такого! Латифа даже близко не подойдет к Бибинур, не то, чтобы за ней ухаживать! Вот вчера Шенгерей с утра куда-то ушёл, и пришёл только вечером. Целый день Бибинуру никто не подавал воды, а ведь вчера день был более душным и

жарким. Бибинур совсем обессилела. На лицо садились мухи – было мучительно. Хотя и не пила целый день, постель промочила. Сегодня тоже лежит в мокрой постели. Никак не подняться ей самостоятельно. Вот такие дни настали для Бибинур. Никто, кроме Шенгерее, за ней не ухаживает. В таких случаях, как заведено, за стариками ухаживают дети. А сыновья Шенгерее и Бибинур погибли на войне. Трёх сыновей, трёх её богатырей отняла проклятая война. Только один, средний, Хаджип, вернулся живой. Но, когда Бибинур вспоминает про Хаджипа, сердце ещё сильнее начинает болеть и стонать. Хаджип женился неудачно – попался в ловко расставленные сети одной дряни, и всё в его жизни пошло не так. Он – здоровый, высокий, как отец, а его жена Бану – маленькая, ростом, как одна его нога. Чернявая, как цыганка, языкастая и дерзкая, Бану оказалась ещё и бездетная. Хаджип трудолюбивый, работает шофёром, после войны построил новый дом. Поставил новый сарай, баню, и всё крыто не соломой, а досками! Жизнь у них – полная чаша. Только детей нет.

Но, самое обидное и невыносимое – во время войны ходили слухи, что Бану погуливает. Бесстыжая! Какой позор! Когда Хаджип вернулся с войны, кажется, Шенгереей пытался уговорить сына расстаться с этой недостойной его женщиной. Хаджип не бросил. Как-то удалось этой хищной женщине притянуть и крепко привязать к себе их сына. С самого начала Бану не понравилась Бибинур. И вот как теперь

пойти к Бану с поклоном, чтобы она ухаживала за ней? Это невозможно. Да Бану и не будет ухаживать за Бибинур ни дня! А сын редко дома бывает, он всё время в дороге. Но, если б даже Хаджип не работал так много, всё равно не мог бы ухаживать за матерью – разве мужчины ухаживают за лежащими старухами? Вот если б только была жива дочь Фатима! У Бибинур была бы счастливая старость! Но с девочками ей не повезло. Сначала всё мальчиков рожала. Сыновья рождались здоровыми и крепкими, как на подбор. Кушали хорошо, болели редко, с ними не было хлопот. А вот дочь родилась больной. Маленькая была, слабая, всегда без настроения, худая. Врачи сказали, что не могут помочь. Думала, что дочь Фатима ей будет помогать. А дочь сама нуждалась в помощи. Чем старше, тем слабее становилась. Потом и вовсе слегла.

Когда представила дочь, покатались по щекам слёзы. Фатима восприняла привод отцом молодой жены как ужасное происшествие. Как сегодня помнит Бибинур этот день. Это был один из самых тяжелых дней в её жизни.

Наступал вечер. Бибинур вытянула кочергой вперёд горячие угли в печке и пекла блины из кислого теста. Дочь Фатима сидела в постели, вся обложенная подушками, и вязала. Сын Хамит куда-то вышел, его не было дома. Бибинур услышала, как хлопнула калитка, опёрлась локтями на подоконник и прижалась лбом к стеклу, чтобы увидеть, кто к ним идёт. И упала бы, если б не подоконник. Во двор вошли Шенгерей и Латифа. Слышала, конечно, Бибинур, что к Шенге-

рею в огород ходит женщина –повариха из бригады лесорубов. «Когда молодой был, не гулял. Был хорошим и верным мужем. Если в старости стал развратником, тут уж ничего не поделаешь. Ничего, погуляет и остепенится!» – решила Бибинур. Как бы не горела изнутри, как бы не переживала, никому – ни сыновьям, ни дочери ничего не сказала. Жалела дочь. Очень уж любит Фатима своего отца. Будучи грубым, суровым человеком, Шенгерей в жизни на неё не повысил голос, не то чтоб ударить или шлёпнуть. Не уставала Бибинур удивляться, слушая, каким голосом разговаривает Шенгерей со своей дочерью: « Откуда у этого жестокого и сухого человека такой мягкий и нежный голос?» Прожив более трёх десятков лет с ним, Бибинур никогда не слышала, чтобы Шенгерей разговаривал с ней самой таким голосом. Радовалась Бибинур, что Шенгерей любит дочь. Но, когда Фатима слегла, как всем было понятно, уже навсегда, Шенгерей как-то не очень сильно переживал. По нему не видно было, что он горюет. Как жил, так и продолжил жить. А Бибинур сдала. Для неё белый свет стал не мил. Обижалась на Аллаха: неужели ему жалко здоровья для этой девочки, для её крошки? Иногда с интересом украдкой присматривалась к Шенгерее. Удивлялась. Дочь больна, а он вроде как очень даже доволен жизнью. Думала: «Мужчины, видно, совсем по-другому скроены». Когда узнала, что муж гуляет, стало всё понятно. Бибинур терпеливо стала ждать, что муж образумится. А муж вместо этого привёл свою потаскуху к ним во двор!

Какой позор! Какое невиданное дело! Как насмехается Шенгерей над Бибинур! К живой жене привёл вторую жену!

Бибинур выбежала на крыльцо, раскрыв руки и вцепившись в косяки, встала на пороге. Истошно заорала: «Ты что, собираешься эту распутницу в дом пустить? Не пущу! Обоих не пущу!» Шенгерей сжал губы так, что вместо губ осталась только складка. Стиснул кулаки и вплотную приблизился к Бибинур. Встал над ней, как коршун над цыплёнком и прорычал: «Это – моя вторая жена. С сегодняшнего дня она будет жить у нас!» «Не-ет! Не пущу! Не пущу!» – душераздирающим голосом закричала Бибинур. На голоса встала из постели Фатима, стояла во внутренних дверях и удивлённо наблюдала за происходящим. Шенгерей изо всех сил ударил кулаком Бибинур в грудь. Бибинур спиной полетела к стене чулана. Пролетев, ударилась головой о стенку. Правая рука ударилась о край железного ящика, который стоял тут же, и с громким хрустом сломалась пополам. Из-под черной сухой кожи появились страшные белые кости. Брызнула в разные стороны кровь.

Когда Бибинур пришла в сознание, дочь, сын Хамит и Шенгерей склонились над ней, что-то делали, а та женщина сидела на лавке возле печки и плакала. Шенгерей и Хамит кое-как соединили кости. Рану обработали йодом и завязали чистой белой тряпкой. Со двора принесли две доски, руку привязали к этим доскам. Хамит отнёс мать на руках в кровать. Бибинур снова потеряла сознание... Когда мать лежала

без сознания, Хамит сбегал за фельдшером. Фельдшер сунул Бибинуру под нос тряпку с нашатырным спиртом. Вот тогда только она очнулась. Та женщина, встав у печки, пекла блины, которые не успела допечь Бибинуру....

Вот так Бибинуру, совершенно неожиданно для себя, стала старшей, вернее, старой женой Шенгереев. Со сломанной правой рукой кушать готовить она не может, в огороде работать не может, стирать и убирать не может, вот и стала всё больше времени сидеть возле дочери в комнате. Хамит в тот же день, когда отец привёл вторую жену, ушёл жить к старшему брату. Он никогда и ни разу не заговорил с молодой женой Шенгереев, очень жалел мать. Сама не слышала, но Фатима рассказывала, что Хамит поговорил с отцом очень сурово. Сказал Шенгерееву, что больше не считает его своим отцом, жить с ним и с его новой женой в одном доме не намерен, поэтому пока переезжает к брату Хатипу, а потом, когда выздоровеет мать, уедет в город – навсегда. Хамит и раньше рвался в город, по просьбе отца и матери только соглашался жить в деревне, а тут уж его никто не мог удержать. Навещал маму, пока болела – приходил тогда, когда отца дома не было. Не здорововался с этой женщиной, не смотрел в её сторону. Никогда не думала Бибинуру, что Хамит так может обидеться и рассердиться на отца! Может быть, он больше рассердился на то, что отец ударил мать, сломал ей руку? Да, с рукой всё вышло очень плохо. К тому же – правая рука! Зато той женщине пришлось впрячься и тянуть воз жизни

по полной. Четырём человекам – Шенгерю, Фатиме, Бибинур и себе надо готовить еду, стирать, ухаживать за скотиной, работать в огороде. Пусть работает, пусть показывает, какая она работающая и умелая, молодуха же! «Так тебе и надо, нечего было зариться на чужого мужа, – смеялась про себя Бибинур. – Гляди-ка, оказывается, не так уж и плохо, если муж приводит молодую жену!» Да, было даже забавно. Во-первых, вдруг, ни стога, ни с сего появилась бесплатная, очень старательная молодая здоровая работница. Во-вторых, если что-то не по его, Шенгерей теперь, выпучив глаза, орёт не на Бибинур, как раньше, а на неё. Смешно! Иногда цепляются и ссорятся. «Скоро, похоже, начнут и драться!» – злорадствовала Бибинур про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.